

ства было сосредоточено не только решение частных проблем, но и тюремное хозяйство с питанием заключенных, строительство церквей при тюрьмах. Новое положение общества закрепил Устав Общества попечительного о тюрьмах (1851). В 1855 г. общество было присоединено к Министерству внутренних дел и министр внутренних дел стал по должности его президентом.

Общество попечительное о тюрьмах к этому времени было создано фактически при каждой белорусской тюрьме, которые имелись во всех губернских городах и почти во всех уездах.

Члены комитетов Общества попечительного о тюрьмах посещали места заключения, знакомились с условиями содержания арестантов, привлекали к работе с ними церковнослужителей, создавали библиотеки религиозного содержания, устраивали в тюрьмах церкви и больницы, изыскивали средства на ремонт тюремных зданий, закупку одежды и продуктов питания для арестантов и т. д.

Соответственно, из материалов, касающихся деятельности Минского комитета Общества попечительного о тюрьмах следует, что с момента своего образования комитет позаботился об устройстве внутри Минского тюремного губернского замка больницы для арестантов на 24 места, увеличив ее к 1852 г. до 30 мест. Больным арестантам стали давать улучшенную пищу. По инициативе членов комитета в тюремном замке была открыта своя аптека с фельдшером и помощником, а члены врачебной управы, являвшиеся членами комитета, по очереди исполняли должность ординаторов, и под их руководством фельдшером готовились лекарства.

Комитетом также была проделана большая работа по организации труда осужденных. Члены комитета наблюдали за тем, чтобы в местах заключения арестанты обеспечивались работой, за которую бы они получали плату. Пренебрежение трудом бывает причиной многих преступлений.

Следует отметить, что положительным моментом того времени явилось появление на просторах Российской империи нового общественного образования – Общества попечительного о тюрьмах, которое положило начало новой эпохе в деле организации исполнения уголовных наказаний и улучшение условий отбывания наказания осужденными, однако этих организационных преобразований было явно недостаточно.

Знание исторического опыта зарождения и становления тюремных учреждений Российской империи, а также условий содержания осужденных существенно дополняет наше представление о состоянии отечественной уголовно-исполнительной политики. Углубленное изучение и использование накопленного в отечественной пенитенциарной системе фактического материала может послужить теоретической и практической основой для совершенствования современной уголовно-исполнительной системы.

Разрабатываемый в настоящее время комплекс мер по совершенствованию правовых основ реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики должен опираться на предшествующую практику, изучение которой помимо выявления исторического контекста направлено на реформирование и совершенствование современной системы исполнения наказаний.

УДК 343.81 + 908

А.Л. Веселова

ЖЕНЩИНЫ В СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ И ТЮРЬМАХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам воспоминаний)

При общей ориентации законодателя на стабилизацию демографической ситуации в стране (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания „Мать-героиня“ и учреждении ордена „Материнская слава“ и медали „Медаль материнства“»), нормативные акты военного времени практически не содержат положений, формирующих гендерные особенности уголовной и уголовно-исполнительной политики советского государства.

В качестве исключения следует отметить Приказ Наркомата юстиции и Прокуратуры СССР от 6 июня 1943 г., ориентировавший военные трибуны на транспорте на применение условного осуждения при наличии соответствующих оснований. Отдельное внимание при вынесении приговоров следовало уделять рассмотрению дел о преступлениях, совершаемых женщинами, имеющими малолетних детей, подростками и инвалидами.

Применительно к периоду Великой Отечественной войны справедливо говорить об ужесточении уголовно-исполнительной политики в целом и в том числе в отношении женщин. Содержание доклада начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркомату внутренних дел Л.П. Берия «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)» позволяет сделать вывод об изменении состава заключенных по половому признаку в сторону увеличения количества женщин. В.П. Попов в своей работе «Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация)» отмечает не только процентное, но абсолютное увеличение количества осужденных женщин по сравнению с довоенным периодом.

По воспоминаниям заключенных женщин тюремный режим был усилен еще в предвоенный период – в сентябре – ноябре 1939 г., после начала Второй мировой войны. В первые дни Великой Отечественной войны во всех лагерях были сняты репродукторы. Сложно представить, но многие из заключенных не обладали информацией о ходе и результатах военных действий либо владели ей исключительно на уровне слухов и домыслов.

Несмотря на информационную изолированность, именно условиям военного времени и целям победы была полностью подчинена жизнь всех заключенных независимо от пола и возраста. В лагерях нормы выработки были увеличены в несколько

(часто 4–5) раз. Завышение плановых показателей приводило к парадоксальным ситуациям, когда, например, нормы выработки в женской зоне могли быть выше, чем в соседней мужской: кто знает, чем руководствовались нормировщики, устанавливая женщинам такую норму, или осталась она нам в наследство от мужчин, работавших до нас здесь.

В своих воспоминаниях узницы ГУЛАГа оставили многочисленные примеры женского труда заключенных в период Великой Отечественной войны. Строительство, работа в котлованах, таскание носилок с цементным раствором весом килограммов 50–60. Лесозаготовки, когда приходится не только пилить и рубить, но и таскать на себе бревна...

Под лозунгом «Все для фронта!» проводилось не только увеличение норм выработки, но и сокращалась оплата труда в пользу армии, принимались обязательства о повышении качества продукции или решения о перенаправлении продовольствия, которого катастрофически не хватало, в действующую армию.

В связи с колоссальной смертностью Приказ НКВД СССР от 13 октября 1941 г. устанавливал новые нормы питания для заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях: хлеб – 700 г, крупа и макароны – 80 г, рыба и рыбопродукты – 100 г, мясо и мясопродукты – 25 г, картофель и овощи – 600 г, мука пшеничная – 10 г, жиры – 15 г, сахар – 10 г на человека в день. Как правило, заключенные не получали даже того минимума, который был установлен официально. Вот типичный рацион, описываемый женщинами: «кусоч глинообразного хлеба, грязный черпак баланды и ложка какой-то неудобоваримой каши...», «500 граммов хлеба и жалкий приварок», «хлеб и баланда из шинкованных капустных кочерыжек, соли и воды».

Кормящие матери среди заключенных – «мамки» в военный период получали общий паек, такой же, как и все: 400 г хлеба, три раза в день суп из черной капусты или из отрубей, иногда с рыбьими костями или ржавыми рыбьими червивыми головами. Это прямой путь к авитаминозу.

Типичными заболеваниями заключенных в исправительно-трудовых лагерях военного времени были алиментарная дистрофия, хроническая дизентерия, куриная слепота. Широко была распространена пеллагра, форма авитаминоза, влекущая поражение нервной системы как результат крайнего и длительного истощения.

Ведомственные акты НКВД СССР периода войны содержат сведения о бедственном положении заключенных и попытках его исправить посредством нормализации внутреннего распорядка, увеличения продолжительности отдыха и сна, улучшения питания и жилищно-бытовых условий. Между тем, очевидно, что большинство из этих актов носили декларативный характер.

Значительной проблемой мест заключения в военный период оставалась переполненность исправительно-трудовых лагерей. Даже по официальным данным к 1944 г. в результате проведенных мероприятий жилая площадь в расчете на одного заключенного была доведена до 1,8 м². М.Г. Детков обращает внимание, что в послевоенный период в Директиве МВД СССР № 165 1946 г. министр внутренних дел вновь был вынужден обращаться с требованием довести жилую площадь на одного заключенного до 2 м², с обязательным размещением на нарах вагонного типа или койках с расчетом предоставления каждому заключенному индивидуального спального места.

В связи с увеличением количества заключенных женщин в военные годы проблема перенаселенности оставалась крайне актуальной и для тюрем. Типичным является описание Бутырской и Барнаульской городских тюрем: «арестанток было, как сельдей в бочке... На сплошных нарах надо было поворачиваться по команде»; «в тюрьме Барнаула в камере сидело 60 (при норме 15–20) полуголых женщин».

Во время Великой Отечественной войны обычным явлением в лагерях стали так называемые «пересидчики», когда из-за «тяжелых» политических статей либо из-за необходимости выполнения трудовых норм, заключенных, отбывших срок наказания, не отпускали на свободу. Сроки «пересидки» могли быть колоссальными (равными сроку заключения, определенному приговором) и, как правило, затягивались до конца войны.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны, несмотря на общую политику государства, направленную на стабилизацию демографической ситуации, в чрезвычайном уголовно-исполнительном законодательстве военного времени очевидно усиление карательной составляющей, сказавшейся в том числе на положении женщин в системе советского уголовного правосудия.

УДК 343.24

Ю.А. Вишневская

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Проблемы назначения и исполнения пожизненного заключения сегодня привлекают внимание практиков, ученых и законодателей не только в силу своей сложности и дискуссионности, но и социально-экономической значимости, поскольку численность осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы и содержащихся за счет налогоплательщиков, ежегодно растет. В связи с чем требуется обоснованное определение условий применения пожизненного заключения, возможности достижения целей и задач, реализации принципов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при данном виде наказания.

Проблемы пожизненного лишения свободы исследовались правовой наукой в три этапа: дореволюционный период развития законодательства относительно пожизненного заключения (каторги, ссылки), советский период, период с начала 90-х гг. XX в. В дореволюционных работах в основном поднимались вопросы современного состояния ссылки и каторги в Российской империи, исполнения каторжных работ, мер по социальной защите против рецидивистов, исторические очерки бессрочных видов наказаний, состояния тюремного заключения, а также применения смертной казни.